

Сириус скрестил руки на груди и вздохнул, он даже выглядел слегка виноватым. «Да, очень смешно, я шлюха, я знаю».

«Она не против?» — спросил Питер, осмелев от реакции. «Я думал, большинству девушек это не очень понравится». Он хихикнул, когда смех Ремуса стал громче.

«Мы пришли к пониманию» — сказал Сириус. Его жесткое выражение лица немного смягчилось.

«Так кто это? Мы ее знаем?» — спросил Питер.

Сириус слегка улыбнулся: «Она дочь леди Фер, ее зовут Гермиона».

Глаза Питера чуть не вылезли из орбит: «Фер? Как те, что на континенте?»

«Точно как они» — сказал Сириус с ухмылкой.

«Ух ты, Бродяга... это удивительно... они такие могущественные», — Питер был в восторге. Ремус мог понять. Питера действительно увлекали влиятельные люди, но это казалось немного чересчур. «Так она милая? Я слышал, что некоторые из этой семьи довольно непростые люди».

«Она очень милая, Пит». Ремус сказал: «Я встречался с ней, совсем не непростая, очень умная».

«И подтянутая» — добавил Сириус.

Ремус рассмеялся себе под нос, чертов Бродяга, подумал он. Однобокий ум.

«Тогда молодец», — сказал Питер. «Я давно не навещал Джеймса и Лили, а ты? Как дела у Гарри?»

«Я навещеал», — сказал Ремус. «Я видел их около недели назад. У них все хорошо. Джеймсу тяжело жить взаперти, как ты можешь себе представить. Гарри растет так быстро. Не могу поверить, что через три недели ему исполнится целый год. Что ты сказал, Бродяга, ты собираешься ему подарить?» Он посмотрел на Сириуса, на его лице было то же самое выражение, что и до того, как они вошли. Широко раскрытые глаза, поверхностное дыхание, щеки покраснели от... гнева?

Прежде чем он успел что-либо сказать, Сириус вскочил на ноги. «Извини, Ремус, Петтигрю, мне пора идти. Я забыл, что должен был... эээ... встретиться с Гермионой. Увидимся позже». Он уже был в коридоре, когда Ремус наконец заставил себя действовать, он последовал за ним из гостиной как раз вовремя, чтобы увидеть, как входная дверь за ним резко закрылась.

Что с ним сегодня? Он был как чертово йо-йо, счастливый, злой, тихий, испуганный. Ремус вздохнул и просунул голову обратно в комнату, чтобы увидеть Питера, идущего к нему. «Пит, дружище, я тоже пойду. Посмотрим, смогу ли я выяснить, что случилось с Бродягой».

«Он, должно быть, боится девчонки Фер, если так не хочет опоздать». Питер выглядел расстроенным. «Ты уверен, что она милая?»

«Да, Пит, не волнуйся. Я разберусь с ним». Ремус снова хлопнул Питера по плечу и ушел, размышляя, с чего начать поиски своего необычайно эмоционального друга.

\*\*\*\*

Сириус с хлопком появился на узком балконе. Он вдыхал огромные пласты воздуха, как будто никогда раньше его не пробовал, и все же запас был ограничен, его грудь была так стеснена, словно ощущение видения не исчезнет.

Мучительно медленно его легкие, казалось, снова расширялись. Понемногу за раз. Пока в них не стало достаточно кислорода, чтобы его мозг снова заработал, он чувствовал слабость, мышцы на его руках подергивались, его пальцы сгибались и разгибались, его глаза были все еще плотно закрыты, Питер был первым, на чем он мог полностью сосредоточиться. Грязный, лживый, фальшивый Питер.

Затем, теплая рука легла ему на плечо, тихий настойчивый голос прозвучал в ухе, «Сириус? Что случилось? Кто-то ранен?»

«Нет, я просто... Питер», — сумел ответить он, «Лунатик и я, мы... мы видели Питера».

«О», — произнес ее мягкий понимающий голос, она потянула его за руку, втягивая его внутрь. Его толкнули на диван, ее утешающая рука рисовала маленькие круги на его спине, когда она сказала, «Чашку чая тогда? Или вина? Уже почти пять, ты знаешь, вполне приемлемое время для выпивки».

«Просто чай», — тихо сказал он. «Вино потом». Он добавил. Его грудь снова приблизилась к нормальной вместимости, дрожь в мышцах уменьшилась, он запрокинул голову и открыл глаза. Гермиона стояла за диваном, ее рука лежала на его плече.

«После того, как мы поймем Риддла», — сказал он, его голос стал немного сильнее, — «пожалуйста, скажи мне, что я смогу выбить все дерьмо из Петтигрю. Я даже не хочу использовать магию. Я хочу почувствовать, как его лицо разбивается вдребезги под моим кулаком. Я хочу, чтобы он умолял меня остановиться. Я не думаю, что я когда-либо ненавидел кого-то так сильно, как ненавижу его. Никогда».

Взгляд в глазах Гермионы заставил его остановиться. Её глаза были очень яркими, непролитые слезы мерцали в вечернем солнце. Однако, когда она заговорила, ее голос был довольно

ровным. «Да», — сказала она, быстро моргая. «Я думаю, это было бы вполне приемлемо. Хотя тебе придется остановиться. Мы не можем пройти через все это, чтобы тебя бросили в тюрьму за убийство, не так ли?» — она одарила его забавной улыбкой. «Ты знаешь, я не сторонник насилия, но иногда... ну, скажем так, я не против него в этой ситуации».

Он улыбнулся ей в ответ, панический гнев, который он чувствовал, теперь исчез, оставив его чувствовать себя измотанным. Он снова закрыл глаза. «Спасибо», — тихо сказал он.

Он слушал, как она суежилась по маленькой кухне, его глаза все еще были плотно закрыты. Он пытался угадать, что издает каждый звук, поток воды из крана в чайник, медленное шипение, когда он начинал кипеть, хлопок крышки контейнера для чая, металлический звон чайной ложки о фарфор. Это было очень расслабляюще. Мысль о том, что что-то столь обыденное, как чай, может заставить его почувствовать себя лучше, заставила его почувствовать себя ещё и немного глупым, это было немного по-детски. Но эта мысль не могла стереть легкую ухмылку с его губ.

«Я, должно быть, знала, что тебя сегодня нужно будет взбодрить». Голос Гермионы вывел его из его запутанного полусна, где он кипятил Петтигрю в огромном чайнике.

Открыв глаза, он увидел, как она ставит поднос с чаем на журнальный столик, там стоял обычный белый заварной чайник и соответствующие чашки с блюдцами, но рядом с ним была небольшая стопка разноцветных макарун. Он ухмыльнулся ей. «Я люблю макаруны», — сказал он.

«О, хорошо», — радостно сказала она. «Недалеко отсюда есть французская пекарня. Не знаю, радоваться или волноваться, что я ее открыла», — сказала она, наливая чай.

«Волноваться?» — спросил он. «Макаруны заставляют мир вращаться, особенно синие. В синей еде есть что-то такое блестящее, такое неестественное, но такое вкусное. Не о чем тут волноваться».

Она рассмеялась. «Ты прав. Я всегда думала, что они выглядят такими волшебными, думаю, именно поэтому они мне и нравятся. Маггловская еда под волшебным прикрытием».

«Знаешь», — сказал он, проглотив ярко-синее лакомство в два укуса, — «ты устанавливаешь здесь ужасно высокие стандарты. Я, возможно, начну ожидать этого каждый визит».

«Ты можешь ожидать чего угодно», — сказала Гермиона с оранжевым печеньем в руке, «это не значит, что ты это получишь».